

12.194.

Парфенов Леонид

Общая 19.1.1994 - 12-18.11.94 - 413

ПОРТРЕТ ПРОГРАММЫ

Образ для времени

Андрей ДАНИЛОВ

ПЕРВОЕ январское «Намедни» Леонид Парфенов посвятил итогам ушедшего года. Или, если угодно, его квинтэссенции. Такой «портрет на фоне» времени, данного в самых разных измерениях.

Каждая недельная программа ведущего — будь она более или менее интересной — всегда представляла собой мозаичный по материалу, но единый по интонации репортаж. Успеть, увидеть, запечатлеть, рассказать и, слегка отстранившись, подать. Менялся реквизит и заставки, — в них появилась самоироничная игра с имиджем ведущего. Но передача все-таки была «о времени», а не о себе.

Сейчас стало ясно, что именно эта несколько шегольская жесткость обеспечила триумф субъективности нынешней программы. Время, отличившееся крикливой бесцветностью и уже обруганное за «новый брежневизм», получило стиль «от Парфенова». Начиная с фраз, приколов и фенечек и кончая политической жизнью, юбилеями и людьми года. В последних случаях автор программы, впрочем, не столько имиджмейкер, сколько комментатор. Да и смешно было бы изыскивать кого-нибудь позабористей, если само собою пришло столетие со дня рождения Никиты Хрущева, с которым связан один из эмоциональных пиков программы. Если не считать «фраз года», вынесенных в эпиграф.

Леонид Парфенов наемдни (с режиссером Владимиром Хотиненко)

Еще года полтора-два назад, когда стала выдыхаться публицистическая полемика по поводу 60-х и «шестидесятников», можно было предположить, что после того, как «все будет ясно», ритуальному жертвоприношению советского либерализма на алтарь революционной целесообразности помешают не полицейские меры и не притворная жалость «железных малышей» (по определению Юрия Трифонова), а просто живая память — смех, солнце, дождь, любовь, боль и черная изнанка отошедшей эпохи. То есть время детства и раннего отрочества промежуточного поколения, ныне внезапно оказавшегося в роли едва ли не старшего, поскольку «дети XX

съезда» предпочли рискованным рассказам о незаемном опыте хорошо отработанные приемы. На советском языке это называлось «дать отпор» и «сплотиться перед лицом врага».

И Парфенов отважно начал заново, как будто не было всего этого, — с потрясающего клипа! За кадром Эдуард Хиль исполнял песню «Человек из дома вышел», а в кадре искусно подобранная хроника с Хрущевым как бы иллюстрировала шлягер, мгновенно возведенный комментатором в перл создания. Боже, какое стильное было время! И какая гармония «личного» и «общественного»: вышедший из Дома Человек (позднее он перешел в реплику Чукчи из анекдота — хо-

тя, кажется, фраза «все для блага человека» — и я видел этого человека» намекала на Брежнева, но по праву должна быть отнесена к Никите Сергеевичу) наводил порядок в природе, встречал людей хороших, смеялся снегопаду, солнцу в небе и ветрам — и монтаж подхватывал бодрую, ритмичную, но уже не маршево-победную, а свежо-приподнятую мелодию с радостно-завывающим голосовым фоном. Это, смею заметить, шедевр исследования атмосферы эпохи средствами клипа. Не удивлюсь, если Парфенов в итоге вообще создаст видеоэнциклопедию 60-х, основанную на одном только телевизионном материале, как наиболее домашнем, с весьма малой степенью мифологизации.

Да и вообще итоговое «Намедни» просто весело смотреть. Победы оттеняются курьезами, значимое — милыми пустяками. Иерархия ценностей оставлена, но показана как бы сбоку, события не искажены, но прихотливо перемешаны. Это не сводка новостей, но — домашний альбом. Для тех, кто еще не поставил крест на самой способности людей, живущих здесь, и сейчас находить скрытые истоchnики существования в Большой истории. Тем ценнее — история малая: частная, побочная и стержневая одновременно. Ибо ее очень долго объявляли несуществующей.

Андрей ШЕМЯКИН